

Отправившись однажды в детстве на рыбалку к реке Мокше, я поймал большого красивого окуня, хотя прежде мало что попадалось на мою удочку. Рыба, возможно, и казалась мне пушкинской «золотой рыбкой», но не отпустил окуня в воду. Не догадался вовремя совершить поступок, который потом долго радовал, вдохновлял и душевно исцелял бы меня. Этот не состоявшийся поступок, наверное, был бы так же красив, как и сам окунь. К тому же рыбу я тогда не посолил – и она испортилась. Во всех делах, за которые берешься в жизни, должно быть достаточно «соли», то есть – жизненной правды, подлинности, смысла.

Когда я шел на рыбалку, старушки-соседки провожали меня молитвами вслед. Они были благодарны мне за то, что по просьбе старых женщин, не знавших русской грамоты, нередко писал письма их родственникам в дальние города, потому будто и их доброе молитвенное пожелание помогло мне поймать рыбу.

Но потом я многие годы не переставал вспоминать об этой «рыбалке» – и сожалеть о том, что не вернул красивого большого окуня реке Мокше, живой, мыслящей и одухотворенной природе, чтобы окунь продолжал собой украшать Вселенную – мудрую и всесильную. Не случайно же Вселенная, терпеливо вззирающая на мировые войны и стихийные бедствия, на блеск одних континентов на планете Земля и нищету других, так «нарядила» окуня в реке Мокше и, скорее всего, никогда о нем не забывала. Наверное, именно сама природа и во мне помнит о своем нарядном окуне, будто и моими нынешними словами до сих пор продолжает восхищаться рыбой из глубины реки Мокши. Природа – живая и мыслящая, и об этом люди знали за тысячи лет до нас. Но природа особенно живая – на родине, если даже это простая и неброская равнина, где течет тихая река с окунями и щуками в спокойной воде, а не берег грохочущего океана, в котором плавают огромные киты и белые акулы. На ближней равнине каждая травинка и каждое дерево будто говорят с тобой на твоём языке и способны услышать и понять твои радости и переживания; здесь каждый окунь даже в мелеющей реке – самый нарядный. И в моем первом стихотворном сборнике «Рябиновые бубенцы» есть такие строчки: «Отпущу тебя я, окунь. Как же без тебя река? Заплывет опять в осоку Без тебя

– без моряка. И на том тебе спасибо – Не оставила в тоске. Ты – единственная рыба, Как мне кажется, в реке. Отпущу, и в воду булькнешь. Но, наивная душа, Знай: наживкой сыт не будешь, Хоть она и хороша».

К чему были написаны эти строчки? Наверное, хотел вернуться в тот солнечный день детства – и исправиться, хотя время и необратимо. Но «исправился» – хотя бы в этих строчках; хотя бы в воспоминаниях об очень далеком солнечном лете из детства, благоухающем родными травами и речной водой, о набожных старушках-соседках в светлых платках, о ныне почти опустевшей нашей улице, на которой они мне встречались. Вот так – и чуть грустное воспоминание о красивом окуне из детства стало живительным воспоминанием о «малой родине», где тихо и размеренно, как песня, течет река Мокша, на берегу которой я вырос, мечтая стать поэтом – как знаменитый автор «Сказки о рыбаке и рыбке».

Конечно же, я не против рыбалки. Я лишь за то, чтобы оказаться способным совершать иногда, может, и чуть странные поступки, помогающие сохранить в природе хотя бы капельку ее первозданной красоты – и это необходимо для полноты нашей же души. Природа и сама по себе всесильна. Я за то, чтобы уметь совершать такие незаметные, но необходимые для самого себя поступки – может, иногда и чуть-чуть преодолевая себя. И чтобы, как от «золотой рыбки», получить за это вознаграждение – долгое и нежное воспоминание о своем маленьком поступке, вписавшемся в первозданную красоту необъятной природы...

А рыбаком я так и не стал, как не стал и грибником...

Камиль ТАНГАЛЫЧЕВ